

Ленина, 35

ВЛАДИМИР ПСАРЕВ

16+

Владимир Евгеньевич Псарев

Ленина, 35

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63689208

SelfPub; 2021

Аннотация

Посвящается всем матерям города Кемерово. Больше здесь сказать нечего.

Владимир Псарев

Ленина, 35

Город Кемерово, о котором пойдёт речь, фактически является первым городом, основанным при советской власти. Брать в расчёт существование до Революции нескольких посёлков в нынешней черте города, в том числе и одноимённой деревни, не стоит. В 1932 году город получил современное название и стал центром освоения угольно-рудных бассейнов в долине реки Томь, о которых толковали уже две сотни лет, но так по-хозяйски к ним и не притрагивались. Кемеровская область, если судить с точки зрения урбанистики – это не лучшее туристическое направление. Но здесь восхитительная природа и сильные люди. Сибиряки самые настоящие, основательные, крепкие. Потомки тех самых первооткрывателей и первостроителей. О них и будем говорить.

Вячеслав, сам родившийся и выросший в Новосибирске, уже не первый год работал логистом-экспедитором почти по всей Западной Сибири. Друзья в шутку называли его трусливым дальнобойщиком, мол, не ездит из конца в конец, а лишь вокруг родного города топчется. В одном из рейсов в Кемерово он и познакомился со своей возлюбленной – Мариной. Здесь жила вся её семья – мама с папой и два младших брата. Звали их Никита и Саша. Сама Марина в про-

шлом году окончила школу, и когда в первый раз привела Славу к себе домой, чтобы познакомить с родителями, хваталась красным аттестатом девяносто первой школы. Слава сразу всем понравился – рассудительный, спокойный, и это же спокойствие внушающий. Марина решила не поступать в университет в первый же год, хоть и имела все шансы на прекрасное место:

– Пока поработаю где-то, почувствую свои деньги. А потом и решу, как в дальнейшем хочу их зарабатывать.

Семья интеллигентная. Девочку воспитали в лучших традициях и к интересовавшим её мальчикам всегда относились оценивающе. Сначала они встречались не чаще одного раза в неделю, когда Слава приезжал в город за "рублём", а к новому две тысячи восемнадцатому году молодому человеку удалось переманить девушку "на расширение" к себе – в столицу Сибири. Там и ВУЗы получше, и работа оплачивается лучше.

– Заодно и привыкнет, – уговаривала себя её мама.

Сам Слава высшего образования не имел, что маму беспокоило, но отец Марины вступился за парня:

– Для мужчины важнее другие качества, а это всё прикладное. У Славы они есть. Семью он потянет, я вижу.

– Да какую семью, Серёжа? – негодовала мать. – Ей всего восемнадцать!

– А тебе сколько было?

Матерям свойственно волнение во многих ситуациях. Да-

же в совершенно бытовых. И его мы начинаем понимать лишь тогда, когда сами становимся родителями.

К весне Марина уже обжилась на новом месте, и ни каким образом не жалела. Поработав в сетевом маркетинге, она решила связать свою жизнь с экономикой. Финансы нравились, нравилась логистика, да и математику сдала хорошо. С каждым днём всё сильнее поражалась хватке и знаниям Славы, которого считала находящимся не на своём месте:

– Слав, тебе бы управлять этим всем, а не прислуживать. Может, попробуем?

У Славы за спиной был технический колледж, в который он пошёл, потому что идти куда-то ещё в шестнадцать лет ему было лень. Сложный это возраст, и родители не настояли. Но Слава не пропал, и Марина этим даже немного гордилась, хоть и не было в этом ничего особенного.

Мама Марины, Алина Евгеньевна, часто передавала разные посылки дочери, в том числе и еду, на что та реагировала остро:

– У нас в городе что – еды нет?

Слава потенциальную тещу не расстраивал и продолжал возить: в Кемерово одни продукты, обратно – другие. Мальчишки привыкли к новому мужчине в семье. Никита, который был постарше, всё время пытался проконсультироваться со Славой касаясь компьютерных игр, в которые последний играл тысячу лет назад, но ради такого пришлось подтянуть "предмет". Младший Саша ни о чём не консультировался –

ему пока всего пять лет. Слава привозил ему или от сестры, или от себя сладкое, за что получил прозвище "дядя Боб".

– А почему Боб? – интересовалась мама.

– А потому что тут на шоколадка нарисованы бобы, – надувал щёки малыш.

Славе нравилась эта светлая голова. Марина раз в месяц тоже приезжала, при том на той же машине, то есть вместе с возлюбленным, и в итоге нашла такую работу даже немного романтичной:

– Дни только короткие и снежно, а летом, наверное, сплошная прелесть. Но ты всё же подумай, Слава.

Именно в Кемеровской области начинаются те сопки, которыми славятся Сибирь и Дальний Восток, и пара сотен километров здесь не расстояние. Однако Марина всё равно умудрялась успеть крепко заснуть.

Крайний раз молодые приезжали в Кемерово вместе в начале марта. Тогда мама, предвкушая скорые праздники и первую капель, а из праздников помимо главного женского близился ещё и девятнадцатый день рождения её единственной дочери, встречала особенно тепло. Слава уже вечером должен был уезжать в Томск. Времени мало. Марина пожелала остаться на пару дней, и своё желание подкрепила, взяв на работе отгул.

– Я не против, дорогая. Заскочим кое-куда по дороге?

Слава специально выбрал место для парковки так, чтобы заранее не раскрывать своих планов, и попросил Марину

остаться в машине. Убежал за угол, а вернулся с двумя букетами. Один – её любимые пионы, которые зимой стоят космических денег – вручил девушке, а второй букет оставил:

– Это Алине Евгеньевне, – улыбнулся парень.

– Или просто маме, – поправила его Марина.

– Или просто маме.

Справа по борту проплыла "Зимняя вишня", которую девушка очень не любила:

– Городят и городят что-то. Эти серые коробочки так достали.

На фоне в целом не очень яркого зимой города торговые центры действительно сподобливались проигрывать.

– А куда без них?

– Да никуда. Но можно ведь строить иначе? Братья эту "Зимнюю вишню" любят, да и мама почему-то ездит именно сюда.

Слава лишь пожал плечами. Он понимал, что строить иначе можно, но нерентабельно. О людях задумываются в таких вопросах лишь формально.

Мама очень обрадовалась сначала приезду дорогих гостей, а через несколько секунд и цветами. Пока дядя Серёжа крепко жал Славе руку, Саша ловко выхватил торчащую у него из кармана шоколадку:

– А спасибо?

– Спасибо, дядя Боб!

– Славный малый.

Мама быстро разлила по тарелкам борщ и нарезала хлеб. Дети никогда не садились за стол вместе со взрослыми, когда приезжали гости – кухня не позволяла. Но в этот раз отец семейства отказался обедать, и Саша взгромоздился на его место, с которого было очень удобно разглядывать "дядю Боба".

– Марин, помоги, поухаживай за своим мужчиной, – попросила мама.

Марина быстро переместила всё на стол, и своему мужчине – поставила первому.

– Дядя Боб?

– Саша, дядю зовут Славой.

Мальш весело отмахнулся:

– Дядя Боб, а у тебя большая машинка?

– Машинка большая, но пока не моя, – улыбнулся парень.

– А когда ты моей сестре машину купишь? – Саша наклонил голову вбок и всерьёз ждал ответа.

– Не по годам мыслит, – засмеялась Марина. – А правда, когда? Ладно, шучу. Ешь давай, уже остывает.

А Саша продолжал ждать ответа:

– На день рождения?

– На следующий только, – увильнул от ответа Слава.

Отвечать на вопросы детей – целый талант, который либо дан, либо увы. Славу судьба обделила, и он просто выкручивался, но делал это с милой улыбкой на лице, поэтому дети ничего не подозревали. Он любил малышей. Запомнил, как

в первый раз с ними познакомился и растрогался:

– Марин, ты не говорила, что у тебя такие братья.

– А как их перескажешь? Я решила сразу показать, – отшучивалась девушка.

Алине Евгеньевне было лишь слегка за сорок. Когда-то она пожаловалась Славе, что родила Сашу поздно и неожиданно, на что тот ей ответил:

– Я в вашем возрасте стал у мамы первым, хоть и ожидаемым. Бог распоряжается так, как ему нужно.

Надо отдать Алине Евгеньевне должное. Она очень своеобразно воспитывала всех своих детей. Она не столько учила их самостоятельно себя обслуживать, сколько учила принимать их даже простые решения уже с раннего возраста и нести за них ответственность:

– Я и Марину так воспитала, и парней тем более пытаюсь. Научить человека одеваться проще, чем привить ему в этом вкус, например. Какая разница, как красиво ты умеешь завязывать галстук, если не можешь его подобрать без жены?

При этом было видно, насколько сильно она любит семью, и с возрастом, сквозь прочные моральные принципы, всё сильнее пробивалась эта любовь. То, что она передавала Марине продукты – проявление этого аффекта.

– Слав, с чем чай будешь? – интересовалась возлюбленная.

– Да ты за братом поухаживай лучше, Марин, я взрослый дядя, – поскромничал парень.

– Дядя Боб, – уточнил Саша.

Прощались горячо. Марина вышла на улицу проводить, лишь накинув куртку на плечи. Топала сзади. На выходе из подъезда Слава заметил это недоразумение, резко развернулся и парой резких движений застегнул молнию, не забыв после этого накинуть на голову Марины капюшон:

– Без геройства давай.

Обнимал, вдыхал аромат светлых волос, заглядывал в зелёные глаза. Когда уже садился за руль, заметил, что Саша машет ему в окно. Помахал в ответ, широко улыбнувшись.

– Нравится мне эта радостная голова, – сказал себе под нос.

Рабочий график у Славы был никак не стабилизирован. Ездил по выходным дням, когда все отдыхали, и спал по понедельникам. И наоборот. Но по случаю предстоящего события он нашёл себе замену, чтобы не ехать в воскресенье на Алтай, зато пришлось отработать заранее – в субботу поздно вечером вернулся из Томска. Марина уехала в Кемерово на автобусе в этот же день – в понедельник у неё день рождения. Воскресенье выходной, понедельник выходной, а на вторник – снова отгул. Отработала в субботу свою половину дня и укатила к маме с папой, не дожидаясь возвращения Славы. Он заверил, что обязательно будет на месте к пяти вечера следующего дня.

Марина проснулась рано. Открыла холодильник, но ниче-

го интересного из того, что можно съесть сразу, там не нашла. На скорую руку сварила себе и, скорее всего, ещё и братьям кашу. Старалась сильно не шуметь, чтобы не потревожить сон домашних. Давно она не испытывала такого эмоционального подъёма. Она знала, что по своему обыкновению после очередной самой личной даты снова упадёт в серотониновую яму, но старалась об этом не думать:

– В этот раз не глубоко.

Небо уже было белым. Сегодня смог от выбросов гармонично заполнил пустоты между многочисленными тучами. Но скоро уже настоящая весна. Марина решила съездить на набережную и погулять там в одиночестве. Не совсем в одиночестве – с музыкой. Быстро набросала карандашом записку, оставила её на столе. Помня наказания Славы, она тепло укуталась, вызвала такси до площади Советов. Авто приехало быстро. Всю дорогу она слушала музыку и улыбалась. Водитель несколько раз пытался заговорить, но осекался, когда понимал, что его не слышат.

Набережную накануне хорошо расчистили от остатков снега. Обычный серый бетон в два яруса. Справа река, слева высится огромное тело ТЭЦ, создавая ощущение присутствия в какой-нибудь Припяти. Марина, будучи местной, к такому городскому ландшафту привыкла, а Слава ещё каждый раз заострял на этом внимание.

Прошлась до Кузнецкого моста и обратно. И ещё раз. Холод подобрался с неожиданной стороны – влажный воздух

застудил ноги. Марина заглянула на пару минут в кафе возле стеллы погибшим во Второй Мировой войне, чтобы взять с собой какой-нибудь модный раф. Распила его, спустившись на нижний ярус – поближе к реке. Весна совсем рядом.

Слава позвонил, когда Марина уже ехала обратно:

– Я просто узнать, что у тебя всё хорошо, дорогая, – эти слова сделали пасмурный день ярче. – Я скоро буду выезжать, так что жди и никуда не сбегай.

Записка, так предусмотрительно оставленная, всё-таки пригодилась. Мама включила фоном телевизор в большой комнате, чтобы не скучать.

– Словно можно скучать с маленькими детьми, – заметила Марина.

– Мы не маленькие, – донеслось из-за стены.

– Садись покушай, – предложила женщина дочери.

– Не хочу пока.

– Ну как знаешь, ты-то уж точно не маленькая. Мы после обеда поедem в "Зимнюю вишню". Хочешь с нами? Купим что-нибудь.

– А можно, – согласилась девушка, наливая себе в стакан воду из кувшина. – А что?

– Конструктивный разговор пошёл, – засмеялась Алина Евгеньевна. – Чего-нибудь к лету, пока сезон не настал. Сейчас подешевле – можно побольше взять.

Марина поцеловала маму в щёку:

– Спасибо, мамочка.

В ТРЦ семья приехала к двум часам дня. Детям было скучно ходить по магазинам за подарками для старшей сестры, и дядя Серёжа предложил разделиться:

– Давайте мы на четвёртый сходим, там детская зона, кино, а вы по-женски тут везде походите?

– Эх, мальчишки, – иронизировала Алина Евгеньевна. – Ладно, хорошо, пусть будет так.

Родные разделились на втором этаже, где находилась основная масса всех магазинов одежды и косметики. Саша любил эскалаторы и никогда не упускал возможностей на них покататься, даже если был лифт, и ехать предстояло на самых верх:

– Жалко, что у нас нет метро, – шутил папа.

Малыш повёл всех на мультфильм.

– А ты уверен, что Никите будет интересно?

– А кто же не любит мультики? – спросил Саша и это прозвучало очень мило.

– Второй зал, без двадцати три. Приятного просмотра, – девушка-кассир дежурно протянула билеты мужчине.

Здесь же на одной площади располагались кафе, бильярд и фитнес-клуб, и это если не считать детской зоны с катком.

Марина с мамой около часа потратили на то, чтобы купить одну только блузу.

– Зато красивая, – заметила женщина.

– Душно здесь только.

Девушке снова позвонил Слава:

– Я уже на половине пути, даже ещё ближе. Вы дома?

– Не-а, но если ты к шести подъедешь, то уже будем. Будем же, мама?

Женщина в ответ пожала плечами.

– В общем, Слав, позвони, когда заедете в город, а я тебе скажу уже. Если что, мы в "Зимней вишни", которая на проспекте Ленина. Ага, давай. Целую!

В половине четвёртого Марина привела маму посмотреть косметику. Жаловалась на то, что одежду подобрать сложно – выбор маленький:

– Потом в Сибире что-нибудь посмотрю. С косметикой чуть проще.

– Ну как знаешь, доча.

На четвёртом этаже зрители не отрывались от экранов. Маленький Саша восторженно толкал брата под левую руку, замечая, что тот не очень внимательно смотрит. Когда это наскучило, он стал толкать под правую отца, неплохо изображавшего заинтересованность. Тем временем билетёрша прикрыла снаружи двери в залы и отошла – сеансы закончатся не скоро.

Без десяти четыре Марина с мамой поднялись на третий этаж, где можно было купить детские товары. Девушка решила, что Саше будет немного обидно, если на общем празднике завтра ему не уделят внимание.

Уже здесь, несколько минут спустя, Марина услышала лёгкий запах гари:

– Мам, тебе не кажется? Будто горит что-то или плавится.

– Я ничего не чувствую. Сигнализация не работает же. Показалось тебе.

Сигнализация действительно не сработала, зато хорошо работала вентиляция, моментально протянувшая первые клубы дыма с четвёртого этажа ниже. Только когда увидели сбегающих вниз по эскалаторам людей, поняли, что Марина оказалась права. Только вот звуков системы оповещения по-прежнему слышно не было. Мать потянула дочь за рукав:

– Быстрее пошли отсюда.

Помня о том, что где-то наверху должны быть её муж и двое сыновей, женщина вглядывалась в лица спускавшихся, и даже хотела бежать наверх, но поток людей быстро отрезал им с дочерью возможность двигаться в обратном направлении. Оказавшись на втором этаже, Алина Евгеньевна набрала номер мужа.

В кинозале зрители уже столпились возле экрана. Кто-то отчаянно попытался прорваться наружу, но за дверьми уже не было ничего видно из-за дыма.

– Закройте их, тут дождёмся! – выкрикнула из толпы девушка.

Зал продолжал находиться почти в полной темноте. Не горели даже табло эвакуационных выходов. Мужчины принялись промакивать одежду всеми подручными средствами, чтобы плотнее закрыть щели между полом и дверьми, и только через несколько минут поняли, что это не сработало.

Перекрыть же вентиляционные отверстия было физически невозможно. Маленький Саша прижимался к отцу и плакал. Жена позвонила до того момента, как дым сверху заполнил помещение, а это значит, что тогда ещё была надежда на время, и женщина немного успокоилась и согласилась покинуть ТРЦ. Оказавшись на улице, удивилась, как некоторым людям удалось попасть на крышу, но прибывшие спасатели не спешили никого снимать.

Тем временем во втором кинозале дышать становилось всё сложнее. Некоторые теряли сознание, и оставшиеся, перешагивая через тела незнакомцев, пытались найти в углах помещения хоть какое-то спасение. Сергей оставил сыновей молоденькой девушке. Он заметил, что никому еще не пришла в голову идея попытаться прорваться через аварийный выход. Может и потому, что табло над ним так и не включилось, а кругом почти ничего не видно. Сергей же заметил его ещё в начале не очень увлекательного для взрослого мужчины сеанса. Отец не знал, куда тот ведёт, но другого шанса спасти своих детей уже не видел. Только у самого пола пока ещё было чем дышать и можно было что-то отчётливо разобрать. Здесь дым не так разъедал глаза. Подобравшись к двери, мужчина понял, что дверь никак не поддаётся. Задержал дыхание, помня о том, что при такой концентрации теперь достаточно нескольких вдохов, чтобы отравиться, и поднялся в полный рост. Стоило невероятных усилий выбить дверь наружу. В глаза сквозь сгустки серой массы ударил яркий

свет, но, сделав по инерции несколько шагов, мужчина глубоко вдохнул и потерял сознание.

Славу высадили возле вокзала в те минуты, когда "Зимняя вишня" уже горела. Он видел это. Теперь он понял, почему Марина на звонок не ответила. Сам не заметил, как успел добежать через половину проспекта до места трагедии, где и обнаружил в толпе свою Марину с её мамой, ещё ждавших чуда.

– Всё хорошо будет, видишь сколько здесь всех, – молодой человек вытирал девушке мокрые глаза.

Полиция, скорые, спасатели. Через некоторое время круг оцепления увеличили, но в толпе вокруг родные так и не отыскались.

Прошло два года. Даже больше. Родители Марины долго не могли оправиться от потери своих сыновей, но через некоторое время всё же смогли найти в себе силы жить дальше и вкладывать всю свою любовь в единственного теперь ребёнка. Комиссия сказала Сергею, что его спасло только то, что он сам смог покинуть пределы зала, где его и подобрали. Внутрь спасатели попасть не смогли из-за нулевой видимости. А выбираться самостоятельно оттуда было уже некому. Сама Марина год «просидела» на антидепрессантах, и поступила в университет только в две тысячи девятнадцатом. Слава всегда был рядом. А во вторую годовщину трагедии

девушка узнала, что беременна:

– Странное ощущение это. Вроде бы радоваться должна, но день для этого – хуже не придумаешь.

Летом пара поженилась. Слава решил бросить свою старую работу, и, перед возвращением из последнего рейса, заехал на проспект Ленина, 35. Теперь здесь "сквер Ангелов", в память о сорока одном погибшем ребёнке. Красивый – со скульптурами и часовней. Голосовали чуть ли не всем городом. Место из обыденного и надоевшего стало для Славы очень личным.

Снилось крепостным, как горят дворцы феодалов, а в действительности горели их собственные хлева. Что-то случается – летят самолёты из Москвы, приезжают министры, летят должностные головы, моментально седеющие вне своих кресел. Страна скорбит, общество сиротеет. Но в промежутках между бедами кажется, что никому нет ни до чего дела. Не знаю, может и правда менталитет такой, а может и нет. Пойди разбери теперь это всё. Завалы-то разбирать обычно проще, чем бардак в головах. Стоит ли открытие красивого парка вместо очередного унылого места сбора денег десятков детских жизней? Стоит ли боли сотен матерей по всей стране месячная встряска и быстро забывающийся общественный резонанс? И приносит ли поиск виноватых утешение родственникам жертв? Наверное, нет. И многие после "Зимней вишни" в добро больше не верят. Ведь если шуты смогли пе-

режить царей, значит, что Бог проиграл. Или у него такие на нас планы?